

тийскому императору о том, имеются ли у моравских славян свои буквы, представляет вопрос филологический. На деле Константин был первым славянским филологом в полном смысле слова. Ведь он составил: 1-е — для славян особое письмо; 2-е — установил правописание; 3-е — сделал первые переводы с греческого языка на славянский. Его (т. е. Константина. — *Е.Г.*) примеру подражали потом другие, между прочим, тот аноним, которому мы обязаны вторым славянским письмом. Полстолетия спустя выступил как филолог Иоанн, экзарх болгарский, вдаввшийся в рассуждения о трудностях задачи переводчика. Наконец, филологической работой этого первого времени (конца IX и начала X столетия) можно назвать также известную апологию черноризца Храбра, защищавшую славянское письмо от нападков и возражений со стороны греков»¹.

В рецензии нет возможности подробнее остановиться на обширной, поистине неисчерпаемой теме византийско-славянских культурных связей. Тема эта, как известно, неизменно привлекает к себе внимание славистов-филологов, литературоведов, историков, археологов в широком смысле слова. Лучше попробуем ответить на вопрос, почему эта тема, столь же правомочная, сколь и тема связей Византии с народами Западной Европы, оказалась даже не упомянутой в книге А. П. Каждана? Очевидно, причина заключается в сложившейся традиции. Специалисты по византийской филологии сравнительно редко обращаются к славяно-русской письменности. Гораздо чаще можно встретить обратное явление — а именно обращение специалистов по славяно-русской письменности к византистике, к теме византийского наследия в славянских странах.

Е. Э. Гранстрем

И. П. Медведев. Мистра. Очерки истории и [культуры] поздневизантийского города. Л., 1973, 163 стр.

Монография посвящена изучению города Мистры. Наименование Мистра употребляется И. П. Медведевым двояко: когда он пишет, что в 1910 г. Милле работал в Мистре, то, безусловно, Мистра — это развалины крепости города Спарты; когда говорится о резиденции правительства, местопребывания крупнейших феодалов, о центре интеллектуальной жизни, искусства, Мистра — своего рода кремль, акрополь расположенного вокруг (включая и берега Эвроты) города (стр. 18); когда говорится о военных событиях, то имеется в виду крепость, акрополь, кастрон. Но когда исследователь переходит к рассмотрению ремесла, торговли, то он говорит уже не о Мистре, а о том городе, который находился вне акрополя, но тем не менее — расходясь с подавляющей массой византийских источников, называет этот город не Спартой (Лакедемоном), а Мистрой. И. П. Медведев отвергает, но без аргументации, положение о том, что в городе Спарте произошло перемещение центра; между тем, построенная крестоносцами в военных целях крепость Мистра, перейдя в руки местного населения в 1262 г., стала новым центром старого города. Ведь не все население Лакедемона-Спарты перешло в крепость, а только феодальная правящая знать со своим окружением. Мистра стала центром национального движения не потому, что население считало себя «мистриотами» (в византийских источниках Мистра называется не Мистрой, а Спартой), а потому, что Спарта, Лакедемония, прославленные в эпосе и литературе, были столь дороги для каждого грека! По нашему мнению, правильнее было бы назвать монографию не «Мистра», а «Спарта в средние века».

И. П. Медведев обстоятельно пишет о Мистре, ставшей центром национально-освободительной войны греков против крестоносных захватчиков. Но при этом не следует, что представляло собой греческое население, окружающее район подвергавшийся влиянию Мистры. Между Спартой Никона Метаноита (X в.) и Спартой 1262 г. — провал. Кто такие цаконцы, которых источники XIII—XV вв. считали живущими в труднопроходимых местах локонцами-спартанцами¹.

При объяснении успехов Спарты в освобождении Пелопоннеса от власти крестоносцев это имеет некоторое значение. Вся это касается тенденции И. П. Медведева поставить во главу угла только цитадель Мистру. Странно читать, например, на стр. 32, 34, 38 и др. о «мистриотах», тогда как в источниках речь идет о «лакедемонянах».

Автор считает, что аграрный переворот, происшедший в Византии в XI и XII вв., не коснулся Пелопоннеса. Трудно себе представить, однако, чтобы реформы Мануила не коснулись Пелопоннеса: «Морейская хроника» рассказывает, что прония в Пелопоннесе была распространена и до крестоносцев. К тому же именно в Пелопоннесе крестоносцы встретили сильное сопротивление — и в дальнейшем из среды пелопоннесских землевладельцев возникли крупные фамилии феодальной знати. Доверенность Михаила VIII Макринуосу предоставлять пронии вовсе не означает, что до того времени в Пелопоннесе не было проний (стр. 53).

Вторая глава монографии посвящена внешним событиям — борьбе за освобождение области Лакедемонии от власти крестоносцев. И. П. Медведев последовательно по-

¹ *И. В. Ягич. История славянской филологии. СПб., 1910 («Энциклопедия славянской филологии», вып. 1), стр. 3.*

¹ См. ниже нашу аннотацию на работу Х. П. Симеонидиса, стр. 210—212.

казывает патриотизм населения и в то же время исключительную продажность византийской аристократии XV в. Правда, он считает свидетельство Критовула о туркофильстве греческой знати слишком преувеличенным, так как «туркофилы» завязывали одновременно связи и с латинянами. Фактически знати были совершенно безразличны и народность, и религия, лишь бы сохранить собственность на имущества и власть над трудовым населением. В то же время автор отмечает, что местное население — лакедемоняне — представляло собой единственную силу, на которую можно было надеяться при восстановлении старинной византийской империи (стр. 38). Войны против турок даны в монографии достаточно подробно. Однако можно отметить одну лагуну: пропущено известие о взятии Мистры Умур-пашой и сыном эмира Сарухана Сулейманом в 1334 или 1335 г. (текст издан И. Меликовой-Сайяр в 1954 г.).

В третьей главе дается характеристика жившей в Мистре феодальной знати. Несмотря на недостаток источников, автор, соединяя данные актов с археологическими материалами, ярко обрисовал социальный статус феодалов средневековой Спарты, их роскошный быт, столь противоречащий бедственному состоянию Византии того времени. Приведа пример «прониара» Плифона, И. П. Медведев полемизирует с Г. А. Острогорским, считая, что прония не обязательно должна быть военной. Однако он забывает, что у Плифона было два сына — Димитрий и Андроник, а они упомянуты в акте пожалования. Несколько туманно положение о превращении Мистры в своего рода апанаж в назначении кефалатикья Сфрандзи: осталось неясным отношение частноправовой ренты к правительственным налогам в Мистре.

Основываясь на актах, И. П. Медведев показал серьезную мощь духовенства в Мистре. Описаны богатства монастырей, из которых Бронтохион имел свой центр в Мистре. К сожалению, к книге не приложен план Мистры с указанием местоположения церковно-монастырских центров и их владений как в самом акрополе, так и вне его. В монографии убедительно показана независимость духовенства от светской власти, экономическая концентрация более слабых монастырей вокруг более мощных, а также непримиримость духовенства ко всяким попыткам правительства к союзу с католицизмом. Отсутствие прозелитизма у турок, с одной стороны, и фанатизм сторонников папы, с другой, сделали духовенство, проникнутое идеями психазма, равнодушным к угрозе турецкого владычества. Характерно, что вся пропитанная монашескими идеями Мистра добровольно сдалась туркам, тогда как другие центры отчаянно сопротивлялись!

Переходя к организации ремесла и торговли в Мистре, И. П. Медведев отмечает их глубокий упадок. Добыча железа в районе Лакедемона, очевидно, прекратилась, железо ввозили из-за границы. Можно думать, однако, что для средневековой Спарты такой упадок кажется несколько преувеличенным. Правда, в Мистре-акрополе, по всей вероятности, не было ремесленников, но за стенами акрополя ремесла развивались — Плифон писал, что все необходимое («кроме железа») находится там. Между прочим, за стенами акрополя было расположено около 1000 домов евреев, бывших, очевидно, ремесленниками или торговцами: ведь еврейское ремесло и торговля были развиты в Спарте еще при Никоне Метаноите, который изгнал евреев из Спарты.

Совершенно убедительно И. П. Медведев освещает политику Венеции в отношении Спарты, ее стремление поставить население Спарты в полную зависимость от итальянского ввоза. Даже морская связь Мистры с Константинополем осуществлялась венецианским тоговым флотом!

Автор считает, что в Мистре не было среднего сословия. Что касается Мистры-акрополя, то это совершенно правильно. Но это невозможно утверждать относительно города в целом. При той роскоши в быте и многочисленности знати в Мистре нельзя представить себе такой город без ремесленников, торговцев и их верхушки.

И. П. Медведев вслед за Франческо отвергает возможность наличия цехов в Мистре. Однако едва ли можно представить себе большой многолюдный город Спарту, столицу Мореи, без таких объединений, как хлебопеки, особенно же — без товариществ строителей в период усиленной стройки роскошных дворцов и храмов. Как раз об этих объединениях имелись законодательные постановления у Арменопола. Именно эти массы плебса и были участниками народного движения 1402 против власти госпиталитов.

В шестой главе речь идет об интеллектуальной жизни Мистры. Мистра-акрополь был центром правительства, местопребыванием крупных феодалов, митрополита и монашества. Естественно, что при таких условиях в Мистре могла существовать прослойка интеллектуалов. В монографии приводятся данные о библиотеках, скрипториях Мистры. Особенно подчеркивается, что с приходом Палеологов Мистра становится центром эллинизма (стр. 98), филиалом Константинополя в области образования, очагом богословия и философии. Автор приводит в пример и Мазариса. Но вряд ли Мазарис мог жить в Мистре-акрополе, среди изысканного, уповающего в роскоши общества и выражать протест эксплуатируемого населения.

И. П. Медведев подробно освещает деятельность тайного общества Плифона; он убедительно относит его к более позднему времени — после поездки Плифона в Италию. Такой кружок интеллигенции мог развивать свою деятельность именно в Мистре-акрополе. В монографии приводятся данные о колоссальном значении этого кружка для западного возрождения, особенно после падения Мистры, когда члены кружка расселились по Европе.

Что же касается исихазма в Мистре, то можно вполне согласиться с автором, что именно полная победа в Мистре исихазма над сторонниками Варлаама сделала Плифона фанатиком платоновского идеализма и врагом Аристотеля. И. П. Медведев отвергает положение о том, что Плифон хотел, опираясь на учение Платона об идеях «в чистом виде», создать целостную концепцию. Он считает, что Плифон должен быть неоплатоником. По нашему мнению, Плифон, стремясь дать в «чистом виде» Платона независимо от неоплатоников, сам сделался неоплатоником. И. П. Медведев присоединяется к мнению Хунгера, который пишет, что вся философия Плифона есть система категорий и идеи абсолютного детерминизма; он правомерно выступает против отождествления идей Плифона с социалистическими, с сенсимонистскими; различные же предложения Плифона он считает эклектикой, — в целях рационализации феодального строя. Совершенно правомерно И. П. Медведев возражает против расширительного толкования понятия «возрождение», считая в то же время, что сведение понятия «возрождение» к изучению лишь античных авторов снижает философское понимание слова «Ренессанс». Изучая конкретное применение этого понятия в Византии, автор главное внимание обращает на то, что в Византии не было борьбы против влияния церковности. Поэтому нельзя говорить о византийском возрождении и гуманизме.

Но прав ли И. П. Медведев? Ведь византийский «гуманизм» развивался вширь в период наивысшего влияния итальянской экономики! И в сознании абсолютного преемства западной культуры вера в абсолютную правоту византийской идеологии пропала — отсюда в среде интеллектуалов развивался индифферентизм к религиозной догме, отсюда и парадоксы: Плифон — враг христианства — выступал в Италии за ортодоксию, или же тот факт, что многие интеллектуалы Византии переходили в католичество, легко принимая католическую идеологию. Этот индифферентизм и являлся формой византийского индивидуализма, характерного для интеллигенции Возрождения.

Глава VII посвящена архитектуре и живописи Мистры. Автор оговаривается, что он — не археолог и не искусствовед и ему нелегко оценивать художественные достижения Мистры. И здесь отсутствие плана Мистры затрудняет чтение главы. Автор отмечает красоту архитектуры отдельных храмов; приводит полемику о возвращении к стилю базилик (Милле-Штрук); отмечает латинское влияние на архитектуру Мистры (в частности устройство колоколен); присоединяется к положению о том, что в архитектуре господствовал эклектизм (как «начало конца»). И. П. Медведев указывает на общее явление — уменьшение размеров церквей и в то же время повсеместное увеличение численности их. Можно присоединиться к мнению автора о том, что причиной этого являлась победа исихазма: в стремлении к уединению отойти от широкой массы молящихся в грандиозных храмах Византии (стр. 132). Что касается живописи, то автор считает основой монументальную живопись — фрески, вытеснившие мозаику; отмечает характерный для иконографии культ Марии; указывает на сильное влияние константинопольской школы. Автор выступает против резко отрицательной оценки живописи Мистры В. Н. Лазаревым, который даже не решается назвать эту живопись искусством. Между тем, сам В. Н. Лазарев в ранних трудах отмечает достижения живописи Мистры. И. П. Медведев приводит наблюдения Вельманс о наличии тенденции к реалистическим изображениям в миниатюрах, отмечает общее влияние идей исихазма на живопись Мистры; в заключение он приводит фразу Хадзидакиса, который характеризует живопись Мистры как последнюю, «усталую» фазу византийского искусства.

В заключительной главе И. П. Медведев поднимает вопрос о взаимоотношении понятий «феодальный город» и город как «общественный институт». Но не лучше ли вообще говорить не о «феодальном городе», а о «городе в эпоху феодализма»? Взаимное влияние города как общественного института и феодального способа производства видно в этом случае более явственно — ведь во всякой формации имеются пережитки старого, основы нового и ростки будущего строя.

Что же касается причин возвышения Мистры в XIV—XV вв., то автор полагает, что отдаленная от центра Мистра с ее оборонными преимуществами стала последним убежищем от турок. Нам думается, что турки и в первой половине XIV в., и в конце столетия, и в начале XV в. стремились занять Пелопоннес — их отступать заставляло противодействие населения. И в самой последний момент — в 1453 г. — лакедемоняне праздновали победу над турками! Недаром Константин XI мечтал со своими лаконцами отвоевать от турок империю. Сознание необходимости спасения своей народности (блестящие исторические имена «лакедемоняне» и «Спарта» играли при этом определенную роль) давало свободолюбивым горцам силу к сопротивлению. Только постоянные междоусобицы, продажность знати, исихазм, корыстолюбие итальянских торговцев привели к концу средневековую Спарту.

В заключение я мог бы сказать, что, если не считать несколько непонятного для меня стремления вычеркнуть из истории поздней Византии фигурирующие в источниках слова «Спарта» и «Лакедемон», то монография И. П. Медведева представляет собой значительный вклад в изучение истории Византии XIII—XV вв. Использованы почти все доступные источники, освоена колоссальная литература. Книга И. П. Медведева совершенно необходима для каждого византиниста.

М. Я. Сюзюмов